

Глава 30. Признание

Глядя на пунцовые шею и щеки Цзянь Линя, Чэ Жуйхэ понимал: он снова его раззадорил.

Точно так же, как тогда в студии — то же смущенное негодование, та же химия в воздухе, изменились лишь декорации.

— Ты ведь беспокоишься обо мне? — Чэ Жуйхэ сделал шаг вперед, заглядывая собеседнику в глаза. — Знаешь, Цзянь Линь, я тут подумал... Нам пора расставить все точки над «i». Твои чувства ко мне... они ведь не совсем обычные, так?

Возможно, кто-то другой ничего бы не заметил, но Жуйхэ был чуток. Сегодняшний поцелуй оказался слишком глубоким, слишком отчаянным — Цзянь Линь и не думал его отпускать.

Цзянь Линь вспыхнул. Он опустил голову, надолго погрузившись в раздумья. Видимо, его и самого врасплох застал этот внезапный вопрос.

Прошло немало времени, прежде чем он резко вскинул голову. На этот раз он не пытался коснуться Жуйхэ. Напротив, он до белых костяшек сжал кулаки, словно пытаясь запереть рвущуюся наружу бурю эмоций в глубине глаз. Он боялся, что если даст волю порыву, Чэ Жуйхэ снова сбежит.

— Да, — Цзянь Линь опустил руки.

—... — «Охренеть, так прямо?» — пронеслось в голове у Жуйхэ.

— Ты мне нравишься.

Ночной ветер пролетел мимо, и неопределенность, терзавшая сердце Чэ Жуйхэ, наконец обрела почву. Есть одно точное выражение: стоя у костра, невозможно не чувствовать жара. Он долго убеждал себя, что Цзянь Линь со всеми ведет себя так ласково и предупредительно, но каждый раз, вспоминая его взгляд, Жуйхэ невольно начинал фантазировать. И теперь выяснилось, что всё это были вовсе не фантазии.

Чэ Жуйхэ облизнул пересохшие губы. Он занервничал:

— Нравишься в том самом смысле? Или я для тебя просто кумир, которого ты обожал все эти годы? Красивый образ, к которому ты привык, толком не зная, какой я человек? А вдруг я совсем не такой, каким ты меня себе представлял?

— Шесть лет, — Цзянь Линь смотрел с жаром. — Я наблюдал за тобой шесть лет. Не смею утверждать, что знаю тебя досконально, но я хочу всегда быть рядом. Хочу видеть тебя каждый

день живую, а не пялиться на фотографии на стене, пытаюсь унять тоску. Я смотрел каждую твою работу. И я хочу, чтобы в каждой моей работе был ты. До встречи с тобой я вообще не понимал, ради чего живу.

Цзянь Линь внезапно помрачнел.

Чэ Жуйхэ замер. Он вдруг вспомнил день их первой встречи. Детали того момента почти стерлись из памяти, но ощущение осталось прежним, ярким и четким. За эти несколько секунд он прокрутил в голове все их общие воспоминания, перебрал их по косточкам и прожил заново.

Цзянь Линь никогда раньше не признавался ему в чувствах, но он годами хранил «Восемнадцать лет» — самую важную, потерянную рукопись в жизни Жуйхэ — и вернул её в идеальном состоянии.

Жуйхэ и подумать не мог, что в этом мире найдется человек, для которого он станет настолько значимым.

Заботы о завершении банкета легли на плечи Сяо Ти и Сяо Се. В трубке Сяо Ти звучал крайне обиженно:

— Чэ-да! Ну ты даешь! Ушел по-тихому и оставил меня разгребать этот бардак... Разве так поступают с друзьями?!

— Ну ты же там не один, Сяо Се подсобит, — Чэ Жуйхэ украдкой взглянул на идущего впереди Цзянь Линя и спрятал телефон в воротник, спасаясь от завываний ветра. — Насчет счета не парься, шигэ всё оплатил. Ешьте, пейте, ни в чем себе не отказывайте, если не хватит — плати моей картой... Всё, больше не звони мне, я занят. Бывай.

— Эй, подожди!..

— Ту-ту-ту...

Убрав телефон в карман, Чэ Жуйхэ широким шагом догнал Цзянь Линя и по-хозяйски обхватил его за плечи:

— Эй, ты что, всё еще злишься?

В темноте не было видно лица Цзянь Линя, лишь в его золотистых глазах периодически отражался свет фар проезжающих машин. Он молчал, и Жуйхэ пришлось прижаться к нему плотнее, почти касаясь его макушки, чтобы поймать ответный взгляд:

— По-моему, ты не злишься. Ты просто застенялся, да? — Жуйхэ негромко рассмеялся. — Подумаешь, признание! Чего тут краснеть? Тебе бы у Юйшэна поучиться наглости.

Цзянь Линь нахмурился и отвернулся, но отстраняться не стал:

— Мне до его бесстыдства далеко.

Чэ Жуйхэ опешил. Он не ожидал, что Цзянь Линь может так язвить. Это было... необычно.

Возможно, именно таким был настоящий Цзянь Линь без своей привычной маски — искренним и даже немного милым. Он всегда держался слишком серьезно, и Жуйхэ частенько забывал, что перед ним парень, которому едва перевалило за двадцать. Парень, который еще не умеет скрывать смятение и легко смущается.

— Это называется харизма, талант своего рода. Иначе как бы он заставлял столько невинных мальчиков сохнуть по нему годами?

— Мне не нужны такие таланты, — фыркнул Цзянь Линь, и его уши внезапно покраснели. — Мне достаточно того, что я люблю тебя одного.

Рука Чэ Жуйхэ на его плече одеревенела. Он медленно отстранился, но не выдержал и расхохотался прямо на ветру:

— Черт, а ты ведь совсем не скромник!

—... — Цзянь Линь обернулся и посмотрел на него с неммым укором.

Жуйхэ вдруг остановился и, засунув руки в карманы, серьезно посмотрел на него:

— А тебе разве не интересно, что я об этом думаю?

Цзянь Линь тоже замер. Его золотистые глаза в ночи сияли, словно две звезды.

В сердце Чэ Жуйхэ что-то дрогнуло.

Слово «любовь» он слышал часто еще со школьных времен. Тогда, на переменах перед вечерними занятиями, девчонки вечно подсовывали ему в стол розовые надушенные конверты с признаниями. Но в те годы его совершенно не интересовали романы — даже с самыми красивыми девушками. Однако жизнь — штука ироничная: он и в страшном сне не мог представить, что когда-нибудь услышит эти слова от краснеющего, утонченного мужчины.

Да еще и метиса.

Но самое главное — он почувствовал трепет. И это было по-настоящему неожиданно.

Цзянь Линь сейчас испытывал непередаваемую бурю чувств. Его сердце, прежде спокойное, как лесное озеро, теперь металось в груди, словно испуганная рыба. Когда Чэ Жуйхэ с улыбкой отреагировал на его слова, у Цзянь Линя появилось робкое предчувствие: кажется, он тоже ему симпатичен. По крайней мере, Жуйхэ не оттолкнул его и не бросил одного посреди дороги.

Он медленно сжал кулаки и сглотнул, готовясь к чему-то судьбоносному. Когда он снова поднял взгляд, он смотрел с надеждой:

— И... что же ты думаешь?

Чэ Жуйхэ лишь улыбался, не двигаясь с места.

Видя его молчание, Цзянь Линь совсем пал духом и засуетился:

— Да скажи ты хоть что-нибудь! Я имею в виду... если ты согласен, мы могли бы...

— Посмотрим на твое поведение? — Жуйхэ внезапно сократил дистанцию, и теперь он ясно видел, как лицо Цзянь Линя стремительно меняет цвет — от белого к пунцовому.

Зрелище было потрясающее.

— Роман с красавчиком — не та вещь, от которой стоит сразу отказываться, я могу это понять. Тем более ты мне и сам симпатичен, — Жуйхэ блеснул глазами. — Но я правда не ожидал, что ты из «этих»... Думал, в моем окружении только Юйшэн такой.

У Цзянь Линя перехватило дыхание. Он застыл как вкопанный.

Чэ Жуйхэ, потирая руки от холода, зашагал дальше. Цзянь Линь помедлил секунду и покорно последовал за ним.

На этот раз он не мог прочесть мысли Жуйхэ. Глядя на его худощавую спину, Цзянь Линь чувствовал, как в душе поднимается волна нежности. В этой походке читалась привычная горделивость, бесшабашность и свобода — врожденные черты благородного юноши. Пусть этот человек порой вспыльчив и смотрит на всех свысока, но только Цзянь Линь знал: Чэ Жуйхэ искренен в своей любви и ненависти, а душа его чиста, как у ребенка, спрятанного в коконе. Цзянь Линя неудержимо тянуло в его ауру.

В английском есть слово «crush». Оно идеально описывало его тайную страсть. Краш — это внезапная, сокрушительная вспышка, когда чувства затуманивают разум, и ты бесповоротно влюбляешься. Цзянь Линь подумал, что именно это он ощутил, когда впервые услышал «Восемнадцать лет». Будто скоростной поезд унес его прямо в облака. Никогда прежде он не был так заморожен чьим-то голосом. У Чэ Жуйхэ была потрясающая манера речи — в ней не было тяжести, лишь неземная легкость, пропитанная юностью и теплом. Ясный, звонкий голос.

Он был как магическое лассо, из которого невозможно выпутаться, затягивающее в мир, где Цзянь Линь никогда раньше не бывал.

Сам по себе Цзянь Линь был человеком холодным и отстраненным, он это прекрасно осознавал. Чэ Жуйхэ принадлежал к совсем другому миру. Но человеческое сердце устроено странно: привыкнув к штилю, оно не реагирует на мелкую рябь, но стоит бросить в воду тяжелый камень, как зеркальная гладь разлетается вдребезги. Все идет наперекосяк, ты теряешь контроль над собой и начинаешь безумно тосковать по тому, кто устроил этот беспорядок.

Они шли долго, ветер не утихал. Наконец они пересекли каменный мост.

Впереди показались огни особняка семьи Чэ. Несколько доберманов, услышав шаги, предупреждающе залаяли за воротами, не зная, что вернулся хозяин. Путь был долгим, но Цзянь Линю он показался коротким. Он поднял глаза и увидел, что Чэ Жуйхэ обернулся. Он смотрел с теплотой. Жуйхэ выдохнул облачко пара:

— Всё еще идешь за мной?

—... Угу.

— Возвращайся к себе. Завтра выходной, отдохни как следует.

Цзянь Линь не шелохнулся. Он опустил взгляд на носки своих ботинок и промолчал.

— Ну и ну, — Жуйхэ не выдержал, подошел к нему и, обхватив за подбородок, заставил посмотреть на себя. — Что, хочешь пойти со мной домой? Подняться в спальню?

Цзянь Линь отвел глаза:

— Я об этом не думал, — он действительно не смел на это рассчитывать. Хотя втайне очень хотел.

— Ну тогда бегом домой!

С этими словами Жуйхэ картинно развернулся и зашагал к воротам.

Цзянь Линь поднял голову. Он смотрел ему в спину, не в силах скрыть разочарования, и невольно сжал руки в кулаках.

Внезапно Чэ Жуйхэ, который уже успел прилично отойти, снова обернулся. Ветер растрепал волосы на его лбу, сделав лицо еще более открытым и привлекательным.

Цзянь Линь застыл, широко раскрыв глаза. Жуйхэ ярко и открыто улыбался. Он быстро вернулся, обвил руками шею Цзянь Линя и озорно прошептал ему прямо в лицо:

— Да шучу я! Ты шел за мной всю дорогу, а я ведь не бессердечный эгоист, чтобы бросить тебя на улице... К тому же тут такси не поймашь, а топать до ближайшей стоянки минут двадцать. Неужели ты думал, что я оставлю тебя спать под фонарем?

—...

— Чего застыл? Заходи скорее, пока тетя не проснулась, а то завтра ворчания не оберешься. Тебе-то что, ты человек со стороны, а мне её нотации слушать не хочется.

<http://bllate.org/book/17503/1659848>